



КРАСНЫЙ МАРС
ЗЕЛЕНый МАРС
ГОЛУБОЙ МАРС
МАРСИАНЕ

I. Мишель в Антарктиде

Сначала в долине Райта было здорово. Добрые люди, потрясающая природа. Мишель каждое утро, проснувшись в своем отсеке и выглядывая из окошка (такие были у всех), видел застывшую поверхность озера Ванда — плоский овал дробленого голубого льда, который заполнял дно долины. Сама же долина, обширная и глубокая, была бурого цвета и обрамлялась огромными, далеко простирающимися горизонтально стенами. Окидывая взглядом величественный пейзаж, он ощущал легкий трепет, и день начинался хорошо.

Дел тут всегда хватало. Высадили их в крупнейшей в Антарктиде сухой долине с грузом из сборных конструкций для жилищ и, для временного использования, палатками Скотта¹. Бесконечными днями антарктического лета они были заняты обустройством своего зимнего обиталища, которое в собранном виде, как выяснилось, представляло собой весьма прочный и роскошный модульный массив соединенных друг с другом красных ящиков. Он был аналогичен тем, что предполагалось использовать на Марсе, поэтому Мишелю все это казалось крайне интересным.

Всего их было сто пятьдесят восемь человек, тогда как на обустройство постоянной колонии планировалось отправить лишь сотню. Такой план разработали американцы и россияне, и они же собрали международный коллектив для его осуществления. А эту стоянку в Антарктиде устроили, чтобы испытать себя — или, может быть, развеяться. Но Мишелю казалось, что все находящиеся здесь в душе

¹ Пирамидальные полярные палатки, созданные на основе используемых в британской антарктической экспедиции, возглавляемой Робертом Скоттом. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

желали стать избранными, поэтому при общении людей присутствовало некоторое напряжение, как на собеседовании при приеме на работу. Как им сказали, когда это обсуждалось — точнее, когда Мишель сам об этом спросил, — одних кандидатов надлежало отобрать, других — отсеять, а третьих — назначить на следующие полеты на Марс. Так что причины беспокоиться имелись. Впрочем, большинство кандидатов не имело склонности беспокоиться — это были способные, яркие, уверенные и привыкшие к успеху люди. И как раз это беспокоило самого Мишеля.

Обустройство жилищ они завершили ко дню осеннего равноденствия, двадцать первому марта¹. После этого смена дня и ночи стала разительной: на исходе дней, когда солнце ускользало на север, чтобы скрыться за Олимпийской грядой, косил яркий свет, а долгие сумерки перерастали в черную, просеянную звездами темноту, которая позже должна была стать абсолютной и затянуться на несколько месяцев. На их широте полярная ночь начиналась вскоре после середины апреля.

Видимые созвездия оказались сложены из звезд какого-то другого неба, странного и чужого для жителей Северного полушария, к числу которых относился Мишель, и заставляли задуматься об истинных масштабах Вселенной. Каждый день был ощутимо короче предыдущего, а солнце зависало все ниже, протягивая свои лучи, похожие на дрожащие огни рампы, между пиками Асгарда и Олимпийской гряды. Люди понемногу узнавали друг друга.

Майя, когда их впервые представили, сказала:

— Так это вы, значит, нас оцениваете! — И посмотрела так, что со стороны могло показаться, будто Мишель отвечает ей таким же проникновенным чувственным взглядом.

Он впечатлился. Фрэнк Чалмерс, выглянув из-за плеча Майи, это заметил.

¹ В Южном полушарии мартовское равноденствие считается осенним, а сентябрьское — весенним.

Как и стоило ожидать, прибывшие сюда относились к разным типам личности. Впрочем, все они имели базовые социальные навыки, позволяющие свободно контактировать, поэтому, какими бы эти люди ни были на самом деле, общение между собой давалось им легко. И естественно, все питали подлинный интерес друг к другу. Мишель замечал, как они заводили отношения. В том числе романтические. Как же без этого?

Самому же ему все женщины в лагере казались красивыми. Во многих из них он был слегка влюблен — такое постоянно случалось в его практике. Мужчин он любил как старших братьев, женщин — как богинь, чьего расположения ему никогда не добиться (к счастью). Да, всех женщин он считал красавицами, а мужчин — героями. Хотя на самом деле, конечно, они не были такими. Но в большинстве своем они казались ему именно такими, ведь человечество принято идеализировать. А Мишель искренне чувствовал красоту и героизм человечества, причем всегда. Это была его эмоциональная особенность, которая так и просилась на прием к психоаналитику, и действительно он согласился подвергнуться психоанализу, который, однако, ничуть не изменил ощущений Мишеля. Вот такими он видит людей — он так и объяснил это врачам. Наивный, доверчивый, несправимо оптимистичный, — но это не мешало ему быть хорошим клиническим психологом. Таков был его дар.

Татьяну Дурову, например, он считал роскошной, как кинозвезда, и к тому же обладающей умом и индивидуальностью, сформировавшимися в процессе жизни в реальном мире, где были реальная работа и общество. Мишель любил Татьяну.

И еще любил Хироко Аи, харизматичную, отрешенную и увлеченную своим делом, но при этом очень добрую. Он любил Энн Клейборн, которая уже сейчас была марсианкой. Любил макиавеллистку¹ Филлис Бойл. Любил Урсулу

¹ Никколо Макиавелли (1469–1527) — итальянский мыслитель и философ. Сторонник идеи сильного государства, для достижения целей которого допускал использование любых средств, независимо от целесообразности их применения с точки зрения морали.

Коль — как сестру, с которой всегда можно поговорить по душам. Любил Риа Хименес за ее черные волосы и прекрасную улыбку, Марину Токареву — за ее стройную логику, Сашу Ефремову — за ее склонность к иронии.

Но сильнее всех он любил Майю Тойтовну, казавшуюся ему столь же экзотичной, что и Хироко, но более экстравертивной. Она не была такой красавицей, как Татьяна, но все же притягивала взгляд. Естественный лидер российского контингента, она выглядела неприступной и даже в каком-то роде опасной. Она смотрела на всех почти так же, как Мишель, — хотя он не сомневался, что она судила о людях куда строже, чем он. Большинство русских мужчин, казалось, боялись ее, будто мыши ястреба, или, может быть, просто опасались безнадежно в нее влюбиться. Если бы Мишель собирался лететь на Марс (а он не собирался), ее личность была бы там ему наиболее интересна.

Конечно, Мишель, как один из четырех психологов, которым надлежало оценивать кандидатов, не мог обосновывать свои решения личными привязанностями. Это его не огорчало — напротив, ему нравились ограничения, с которыми приходилось считаться при общении с клиентом. Они позволяли давать волю мыслям, которые не надо, слава богу, осуществлять. «Если ты не хочешь это осуществить, значит, играющее в тебе чувство не настоящее». Может, старая поговорка и была правдива, но если осуществлять дерзкие фантазии запрещалось на веских основаниях, то чувства вовсе не обязательно были ложными. То есть он мог одновременно быть искренним и не испытывать опасений. К тому же поговорка была не до конца верна — ведь любовь к ближним могла заключаться и в одном лишь созерцании. А в созерцании нет ничего дурного.

Майя ничуть не сомневалась, что полетит на Марс. Поэтому Мишель не представлял для нее угрозы, и она относилась к нему как к равному. Так же рассуждали еще несколько человек — Влад, Урсула, Аркадий, Сакс, Спенсер и некоторые другие. Но Майя заходила дальше всех — она с самого начала была очень откровенна. Могла сидеть и говорить с ним о чем угодно, в том числе о самом процессе

отбора. Они общались по-английски, и их небезупречное владение английским — не совсем правильная речь и заметный акцент — создавали прекрасную музыку.

— Ты, должно быть, отбираешь людей по объективным критериям, психологическим профилям и всему такому...

— Да, конечно. Мы проводим всевозможные тесты. Оцениваем показатели.

— Но твое личное суждение тоже должно считаться, верно?

— Да, конечно.

— Наверное, тебе трудно отделять личные ощущения от профессиональных суждений, да?

— Наверное.

— И как ты с этим справляешься?

— Ну... пожалуй, ты назвала бы это умением действовать в неопределенности. Например, мне в людях нравятся одни признаки, а в проекте вроде нынешнего нужны люди, обладающие какими-то другими.

— А какие признаки нравятся тебе?

— Ну, я стараюсь не слишком задумываться об этом. Понимаешь, в моей работе это опасно — без конца анализировать собственные чувства. Я стараюсь отставить их в сторону, чтобы они меня не беспокоили.

Она кивнула.

— Очень разумно. Не знаю, смогла бы я так. Но стоит попробовать. У меня ведь то же самое. И это не всегда хорошо. Не всегда уместно. — Бросив на него быстрый косой взгляд, она улыбнулась.

Она почти ничего не рассказывала о своей прошлой жизни. Размышляя об этом, он объяснял ее сдержанность сложившимся положением: он оставался, а она улетала (в чем она была абсолютно уверена), поэтому главными для нее были события настоящего времени. И уж при их обсуждении она была предельно искренна. То, что она ему рассказывала, не имело значения. Как будто он умирал для нее, а она раскрывалась ему, ничего не скрывая, — словно преподносила прощальный подарок.

Но он хотел, чтобы она чувствовала важность того, что она ему говорит.

Восемнадцатого апреля солнце зашло насовсем. Утром вспыхнув на востоке, оно осветило долину на минуту или две, а затем со слабой зеленой вспышкой спряталось за горой Ньюэлла. После этого по утрам бывали лишь постепенно сокращавшиеся сумерки, а потом осталась только ночь. Звездная-звездная ночь. Эта беспрерывная тьма была по-настоящему жуткой — им приходилось жить в свете звезд, в мучительном холоде, не ощущая ничего, кроме этого. Мишель, будучи родом из Прованса, одинаково ненавидел и холод, и темноту. То же чувствовали и многие другие. Они прожили антарктическое лето, думая, что жизнь хороша и что Марс не так уж страшен, но пришла зима, и они внезапно получили более полное представление о том, как будет выглядеть Марс, — не совсем точное, но позволяющее почувствовать все лишения. И это их несколько отрезвляло.

Конечно, одним испытания давались легче, чем другим, а кто-то и вовсе не замечал трудностей. Русским этот холод и темнота были не в новинку. Хорошо переносили ограничения и немолодые ученые — Сакс Расселл, Влад Танеев, Марина Токарева, Урсула Коль, Энн Клейборн. Вместе с некоторыми другими преданными науке людьми они, казалось, были способны читать, работать за компьютером и вести беседы на протяжении невероятно огромного количества времени. Очевидно, к этому их подготовила жизнь, большей частью проведенная в лабораториях.

Но все понимали, что нечто подобное ждет их и на Марсе. Нечто не слишком отличающееся от той жизни, которую они вели всегда. То есть лучшим подобием Марса была, пожалуй, не Антарктида, а кипящая работой научная лаборатория.

Это помогло Мишелю вывести оптимальные параметры кандидата, подлежащего отбору: ученый средних лет, преданный идее, опытный, бездетный, не состоящий в браке. Под это описание подпадали многие претенденты. Мишель и сам ему соответствовал.

Ему, конечно, полагалось уделять равное внимание всем кандидатам, и он старался придерживаться этого принципа. Но однажды он взялся сопровождать Татьяну Дурову в походе в Южную ветвь долины Райта. Они поднялись по левую

сторону от плоской островной гряды, называемой Деисом, которая делила долину вдоль напополам, а затем продолжили подъем по южному рукаву долины к озеру Дон-Жуан.

Дон-Жуан — вот так название для такого внеземного одиночества! Это озеро было таким соленым, что замерзло, лишь когда воздух охлаждался до -54°C . Тогда неглубокий водоем покрывался льдом, в результате чего опреснялся, и пресноводный лед уже не таял, пока температура не повышалась выше нуля, — обычно следующим летом, когда пойманный в ловушку солнечный свет подтапливал лед снизу. Когда Татьяна объяснила этот процесс Мишелю, тот показался ему аналогией их собственного положения, в котором они словно застряли на грани понимания и никак не могли к нему прийти.

— Вообще, — говорила она, — ученые могут использовать это озеро как термометр, который своим застыванием позволяет определить минимальную температуру. Можно прийти сюда весной и сразу понять, опускалась ли она предыдущей зимой ниже минус пятидесяти четырех по Цельсию.

Этой осенью такое случалось, в одну из холодных ночей, и теперь водоем покрывал слой белого льда. Мишель и Татьяна стояли на белесом ухабистом берегу, затянутом соленой коркой. Полуденное небо над Деисом было темно-синим, а ко дну каньона отовсюду спускались крутые стены. Из ледяного покрова озера выпячивались крупные темные валуны.

Татьяна прошла по белой поверхности, проваливаясь на каждом шагу, хрустя ботинками и разбрызгивая воду, — жидкая и соленая, та растекалась по свежему льду, растворяя его и испаряясь тонким морозным паром. Будто Владычица Озера¹ обрела тело и поэтому стала слишком тяжелой, чтобы ходить по воде.

Но водоем имел глубину лишь несколько сантиметров и едва доставал верха ботинок. Татьяна, наклонившись, коснулась воды кончиком перчатки, подняла маску и попробовала воду на вкус своим невероятно красивым ротиком — но тот резко скривился. Тогда она запрокинула голову и рассмеялась.

¹ Сказочный персонаж, встречавшийся в цикле Артуровских легенд и ряде других произведений.

— Господи! А ну попробуй, Мишель, но только чуть-чуть, предупреждаю! Она кошмарная!

И он неуклюже, как слон в посудной лавке, протопал по льду, чтобы выбраться на влажную поверхность озера.

— Она в пятьдесят раз соленее, чем в море. Попробуй!

Мишель наклонился и опустил указательный палец в воду. Его пробирал холод, и казалось поразительным, что вода до сих пор оставалась жидкой. Он поднес палец ко рту, осторожно лизнул — холодный огонь! Жгло, как кислотой.

— Бог мой! — воскликнул он, непроизвольно сплевывая. — Это яд?

Будто какая-то токсичная щелочь, а может, озеро мышьяка...

— Нет-нет, — усмехнулась она. — Просто соль. Сто двадцать шесть грамм на литр воды. Для сравнения, в морской воде — три и семь десятых на литр. Удивительно! — Татьяна, геохимик по профессии, сейчас стояла и изумленно качала головой. Это было по ее части. Мишель увидел ее красоту по-новому — и видел ее предельно четко даже несмотря на то, что она была в маске.

— Соль, возведенная в абсолют, — проговорил он рассеянно. Концентрированная. Такой она могла быть и в марсианской колонии. Вдруг мысль, витавшая где-то на задворках сознания, обрела заверченный вид: их изоляция должна превратить обычную морскую соль человечества в ядовитое озеро.

По телу Мишеля пронеслась дрожь, и он снова сплюнул, будто отгоняя дурную мысль прочь. Но соленый привкус во рту остался.

Когда все вокруг заволакивает беспросветная темнота, трудно не думать о том, что она так никогда и не рассеется, словно наша звезда выгорела и больше не зажжется. Люди (некоторые) начинают вести себя так, как обычно ведут себя испытуемые. Будто в самом деле наступил конец света и мы оказались на пороге Страшного суда. Представьте себе эпоху господства религий, когда подобное ощущение было у всех в порядке вещей.

Некоторые избегали Мишеля и остальных психологов — Чарльза, Джорджию и Полин. Другие же вели себя чересчур дружелюбно. Мэри Данкел, Джанет Блайлевен, Фрэнк Чалмерс — Мишелю приходилось быть осторожным, чтобы не очутиться с этой троицей наедине, иначе ему грозило впасть в уныние, глядя на то, как они излучают свое очарование.

Лучшим решением для него было вести активный образ жизни. Вспоминая об удовольствии, полученном от похода с Татьяной, он старался как можно чаще выбираться куда-нибудь, сопровождая тех, кто отправлялся на различные технические или научные задания. Дни шли своей искусственной чередой, и все тянулось совершенно так же, как если бы солнце вставало по утрам и заходило по вечерам. Подъем, завтрак, работа, обед, работа, ужин, отдых, сон. Все как дома.

Однажды он вышел с Фрэнком проверить анемометр¹ возле Лабиринта. Мишель намеревался выяснить, сумеет ли он проникнуть под приятный поверхностный облик этого человека, но у него ничего не получилось: Фрэнк оказался слишком холоден, слишком профессионален, слишком дружелюбен. Годы работы в Вашингтоне сделали его по-настоящему изворотливым. Несколькими годами ранее он участвовал в подготовке первого пилотируемого полета на Марс, а также был старым другом Джона Буна, первого человека, ступившего на эту планету. Кроме того, ходили разговоры, что он играл не последнюю роль и в планировании нынешней экспедиции. И уж точно Фрэнк входил в число тех, кто не сомневался, что попадет в избранную сотню, — его уверенность в этом казалась незыблемой. Все время, что они шли, его голос звучал как-то очень по-американски, громыхая слева от Мишеля.

— Глянь на те ледники — они вываливаются в проходы, и их сдувает прежде, чем они успевают долететь до дна долины. Чудесное место, да?

— Ага.

¹ Прибор для измерения скорости ветра.

— А эти катататические ветры, которые спускаются с полярной шапки... прут себе и не остановятся ни перед чем. Еще и холодные — жуть. Мне даже интересно, остался ли еще наш флюгер на месте.

Как выяснилось, остался. Они вынули картридж с данными, вставили новый. Вокруг них тянулась необъятная бурая скала, которая образовывала собой чашу под звездным небом.

На обратном пути Мишель спросил:

- Зачем тебе на Марс, Фрэнк?
- Мы что, будем здесь говорить о работе?
- Нет-нет, мне просто любопытно.

— Ладно. Ну, я хочу испытать, каково это. Хочу жить там, где можно попробовать что-то по-настоящему новое. Наладить всякие системы, в общем, что-то такое. Я вырос на Юге, как и ты. Правда, американский Юг совсем не такой, как французский. Мы варились в своей истории очень, очень долго. А потом как-то раскрылись миру — отчасти потому, что дела пошли плохо. Отчасти потому, что по побережью пронеслась целая куча ураганов! И у нас появилась возможность построить все заново. Мы так и сделали, но изменилось не многое. Изменений, Мишель, оказалось, лично для меня, недостаточно. Поэтому у меня и возникло это желание — попробовать снова. Вот моя правда. — И он бросил на Мишеля такой взгляд, будто хотел не только подчеркнуть, что это была правда, но и отметить, насколько редкий тому выпал случай — слышать от него правду. После этого он стал нравиться Мишелю чуть больше, чем прежде.

В другой день (или, скорее, другой час той же бесконечной ночи) Мишель вышел с небольшой группой, чтобы проверить климатологические станции, что стояли вдоль берега озера. С собой у них были сани-банан, загруженные батареями для замены, баллонами сжатого азота и прочим. Мишель, Майя, Чарльз, Аркадий, Ивао, Бен и Елена.

Они шагали поперек озера Ванда, сани тянули Бен и Майя. Долина выглядела огромной, а застывшая поверхность озера сверкала, зловеще искрясь под ногами. Человеку с севера уже могло показаться, что небо переполнено

звездами, а во льду, по которому они ступали, их свет еще и дробился на множество осколков. Шагавшая рядом Майя светила под ноги фонариком, выхватывая все трещинки и пузырьки, что встречались на пути, отчего создавалось ощущение, будто она светит на стеклянный пол, устланный поверх бездонной пропасти. Когда же она выключила фонарик, Мишелю вдруг показалось, будто звезды другого полушария сияют у него под ногами сквозь какую-то прозрачную, чуждую планету, что находилась гораздо ближе к центру галактики. Он словно смотрел в черную дыру, зияющую в центре всего. В бездонный водоем звездного света. И с каждым шагом их отражения смотрелись по-новому, будто в калейдоскопе белых крапинок среди черноты. И казалось, всматриваться вот так в поверхность озера можно до бесконечности.

Когда они подошли к дальнему берегу озера, Мишель оглянулся. Их комплекс, вырисовываясь над горизонтом, светился вдаль, будто яркое зимнее созвездие. Он знал, что внутри тех коробок находились их товарищи, которые в это время работали, готовили еду, читали, отдыхали. Напряжение, что царило в них, было неявным, но довольно сильным.

Одна из дверей комплекса открылась, и клин света выхватил участок ржавого оттенка скалы. Такое, несомненно, можно будет увидеть и на Марсе — через год-два. К тому времени нынешнее напряжение значительно спадет. Но там нет воздуха. Когда-нибудь, конечно, получится выйти наружу — правда, в скафандрах. Но велика ли разница? Зимний костюм, который был на Мишеле сейчас, по замыслу дизайнеров, во многом походил на космический скафандр, а сковывающий ветер, что спускался по долине, был похож на очищенный кислород, только что преобразованный из жидкого состояния в газ и немного подогретый. Холод Антарктиды, холод Марса... между ними нет существенных различий. В этом отношении год тренировок и испытаний здесь был хорошей идеей. Они, по крайней мере, могли хорошенько прочувствовать, каково им придется там.